

А. П. КАЖДАН

КОСЬМА ИЕРУСАЛИМСКИЙ И ПОХОД РУСИ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Косьма Иерусалимский, епископ Майумский, описан в его житиях как ближайший друг Иоанна Дамаскина и, следовательно, жил в VIII в. Он известен прежде всего как автор многообразных гимнов, но среди его сочинений имеется также комментарий на стихи Григория Назианзина, изданный А. Май по рукописи XII в.¹ Насколько я знаю, никто еще не высказывал сомнений в принадлежности этого комментария другу Дамаскина, и Ф. Деторакис, автор монографии о Косьме Гимнографе, спокойно включает комментарий в состав трудов Косьмы; впрочем, он не останавливается подробно на этом сочинении².

Комментарий Косьмы, однако же, отличается от гимнов епископа Майумского своим неприкрытым интересом к античной мифологии и истории, который трудно было бы ожидать от автора VIII столетия; достаточно указать, что автор включил (стб. 605 и след.) подробное описание картины Зевксида, почерпнутое дословно из Лукиана (Зевксид. 3—4) — с сохранением совершенно неподходящих слов, как-то «теперь» (*vũ*) и «я думаю» (*οἶμαι*), Конечно, такое наблюдение не может служить основанием для передатировки традиционного времени написания комментария, как не могут служить таким основанием некоторые термины, использованные Косьмой, но обыкновенно связанные с реалиями X в. Так, описывая расставание Авраама и Лота (Быт. 13.8—12), Косьма говорит, что Авраам уступил Лоту «предпочтительное право на землю» (*πρωτίμησις τῆς γῆς*) (стб. 355.23—24). Термина «протимисис» нет в библейском оригинале, более того, в патристическом языке он употребляется в ином значении — «кара», «наказание», — хотя нельзя исключить возможности, что мы имеем дело с ошибкой писца (вместо *πρωτίμησις*).

Другой интересный термин, всплывающий в комментарии Косьмы, — *στρατεωόμενοι*. По словам Косьмы (стб. 573.2—7), сборщики налогов (*τελῶνες*) и «стратевомени» явились к Иоанну Предтече, спрашивая, как они могут достичь спасения; Предтеча рекомендовал налоговым сборщикам довольствоваться тем, что им уделено, тогда как стратевомени не должны были поступать несправедливо и могли пользоваться только отведенным им ситиресием. Стратевомени, получающие ситиресий, естественно, на-

¹ *Mai A. Spicilegium Romanum. Romae, 1989. 2. P. XIX.* Комментарий переиздан в томе 38 Патрологии Миня, по которой ниже и даются ссылки.

² *Δετοράκης Θ. Ε. Κοσμάς ὁ Μελωδός: Βίος καὶ ἔργο. Θεσσαλονίκη, 1979. Σ. 226 ἐξ.*

поминают нам терминологию X в.³, хотя, повторяю, ни один из приведенных аргументов не имеет силы доказательства.

Более сложен для интерпретации пассаж Косьмы, посвященный чудесам света, среди которых он упоминает Колосса Родосского, разрушенного агарянами «во времена Константина, убитого в Сиракузах Сицилийских» (стб. 534.14—17). Константин, убитый в Сиракузах, это, разумеется, Константин II (641—668). Его упоминание в тексте, приписываемом автору VIII в., вполне естественно и не может вызвать никаких недоразумений. Однако вслед за Колоссом Родосским Косьма переходит к иному чуду — переходу по морю как по суше, что, по мысли Косьмы, было осуществлено только Христом и Моисеем. Далее следует рассказ, который я привожу полностью в русском переводе:

«Что же касается движения кораблей по суше, как это было во Фракии, многие осуществляли это прежде, и Константин Новый (или Младой. — А. К.) так и сделал, проведя корабли по суше. Есть во Фракии место шириной в шесть миль, разделяющее (два моря); отсюда готам удобно проникать во Фракию. Готия же соседствует с фракийцами, и готы, приплывая (или нападая. — А. К.) на своих кораблях, которые называются однодеревками (*μονόξυλοι*), проходят к фракийцам. И фракийцы тащат там по суше свои корабли на пути в Готию» (стб. 534.24—31).

Константин Новый вряд ли может быть отождествлен с Константином IV (668—685) — в противном случае мы могли бы ожидать, что Косьма определит его как сына предыдущего императора. Константин V (741—775) и Константин VI (780—797) могли бы быть подходящими кандидатами как современники Косьмы Майумского, хотя довольно странно было бы ожидать от соратника Дамаскина похвалы в адрес императора-иконоборца, с которым Дамаскин полемизировал столь рьяно. Попробуем прежде всего разобраться в той историко-географической среде, которую описывает наш комментатор.

Феофан, ссылаясь на некоего патрикия Траяна (нам уже неизвестного), сообщает, что готами местное население называло скифов⁴, в его представлении, таким образом, готы размещались в Скифии, т. е. в Северном Причерноморье. Еще более интересно для наших целей сообщение «Льва Грамматика» о готах, которые, перейдя Азовское море (Меотиду), вступили во Фракию⁵. Писатель X в. определенным образом помещал готов в Северном Причерноморье и рассматривал их как соседящих с фракийцами. Мы можем допустить, что Косьма также имеет в виду под Готией, граничащей с Фракией, Северное Причерноморье в самом общем и неопределенном виде. В более узком смысле слова Готия обозначали Крым, как это сказано в житии Иоанна Готского, родившегося в эмпории Парфенитов, в земле, подчиненной готам и расположенной на краю тавро-скифских владений⁶.

Кстати сказать, Косьма испытывал явный интерес к этой части ойкумены, и в своем комментарии он упоминал киммерийцев, обитающих на краю земли (стб. 646.17—18), гипербореев, живущих к северу от скифов (стб. 509.23—24), скифов-кочевников (стб. 627.1—23), Ифигению, перенесенную к таврам (стб. 609.13—18), тавров — народ в Скифии (стб. 510.2).

³ См.: Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. Galway, 1979. P. 133—138.

⁴ Theophanes. Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883. T. 1. P. 66.2—3.

⁵ Leo Grammaticus. Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1842. P. 98.22—99.2.

⁶ AASS. Juni VII. P. 167F—168A.

Но если Косьма говорит в своем пассаже о Северном Причерноморье и помещает «готов» в Скифию, упоминание однодеревки приобретает особое значение. Однодеревки были в обиходе славян уже в VII в. — анонимное житие св. Димитрия знает их, хотя и не употребляет термина «моноксилон»⁷. Термин этот был известен античным авторам, но в X в. Константин Багрянородный широко пользовался им в гл. 9 «Об управлении империей» для обозначения ладей, на которых Русь плавала в Константинополь. Более того, Константин употребляет этот термин в контексте, очень близком к Косьме, рассказывая, что Русь переносила свои ладьи по суше (мимо порогов) на расстояние шести миль⁸ — цифра, случайно или нет совпадающая с приведенной у Косьмы.

Вернемся еще раз к цитированному пассажи Косьмы. Его сообщение в общем и целом совпадает со свидетельством Константина Багрянородного, если только мы допустим, что Готия Косьмы — это Киевская Русь, а Фракия — Болгария; между обеими странами, согласно Косьме, существовали регулярные сношения, в ходе которых путешествующим приходилось преодолевать шесть миль суши, перетаскивая однодеревки. И тот и другой автор описывают это перетаскивание однодеревки как нормальное, регулярно совершаемое явление. Однако наряду с регулярным движением ладей по суше как по морю из Фракии в Готию Косьма говорит еще о чуде, сопоставимом с переправой Моисея через Черное море или даже с хождением Христа по волнам. Это чудо имело место при Константине Младом и состояло в том, что корабли двигались по материку.

Как известно, это чудо описано в «Первоначальной летописи» под 907 г. Когда Олег подошел к Царьграду, он приказал своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли; греки, увидев это, испугались. . .

О походе Олега на Константинополь написано много⁹; эпизод с кораблями, двигающимися по суше, обычно отбрасывается как легендарный, хотя Кенигсбергская рукопись сохранила изображение Олеговых кораблей на колесах¹⁰. Пассаж Косьмы заставляет вернуться еще раз к этому «легендарному» эпизоду русско-византийских отношений: в отличие от «Первоначальной летописи» Косьма представляет византийцев, совершившими это «чудо», — трансформация агента под пером позднее жившего русского летописца не невозможна. Сложнее согласовать с летописным рассказом известие о Константине. Если действительно комментарий Косьмы был написан в X в., то Константин Младой — это Константин VII. В 907 г. он был еще двухлетним младенцем, но в 941 г., во время похода Игоря, Константин занимал императорский престол. Можем ли мы настолько доверять Косьме, чтобы на основании его неопределенного и не строго датированного сообщения связывать эпизод с кораблями с поражением Игоря под Константинополем? Я не хотел бы торопиться с заключением, но мне думается, что так или иначе известие Косьмы, до сих пор оставшееся незамеченным, может быть привлечено к изучению древнейшей истории взаимоотношений Византии с ее северным соседом.

⁷ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius 2. P., 1981. P. 85.

⁸ *Const. Porph.* De adm. imp. Cap. 9. 52—54.

⁹ Укажу только две работы из числа сравнительно новых, освещающих проблему с противоположных позиций: *Николаев В. Д.* Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о Руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // ВВ. Т. 42. 1981. С. 147—153; *Καρπόςηλος 'Α.* Οί 'Ρώσ-Δρομίται καί ὁ μύθος τῆς ἐκστρατείας τοῦ 'Ολέγ // Δωδώνη. 1983. Τ. 12. Σ. 329—346.

¹⁰ *Vasiliev A. A.* The Second Russian Attack on Constantinople // DOP. 1951. Vol. 6. P. 173.